

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31^{го} ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
«О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ»

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД



ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладogi и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1



9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (В. А. Лапшин) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. С. А. Кулаков. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. Е. В. Белыева, В. П. Любин. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. В. Е. Щелинский. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков. Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. В. В. Питулько. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. О. В. Лозовская. Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина. Современные трасологические исследования в археологии	157
II.3. В. С. Бочкарев. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин. Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. А. В. Поляков, И. П. Лазаретов. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. С. С. Миняев. Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. В. А. Горончаровский. Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. С. В. Кашаев. Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. Ю. А. Виноградов. Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков. Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. В. А. Лапшин. Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. И. И. Еремеев. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. А. И. Сакса. Выборг — город на перекрестке истории	348
Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (*V. A. Lapshin*) 5

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. Kashae</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References 379

List of abbreviations 417

ИИ.6. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЮННУ*

С. С. Миняев **

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы изучения центральноазиатских гуинов (сюнну) — проблема раннего этапа их истории и судьбы племенного объединения. Анализ письменных источников и археологических данных показывает, что существующая «ордосская гипотеза» о ранней истории сюнну должна быть снята. Археологические следы миграции сюнну в европейские степи отсутствуют. Совокупность данных показывает, что историческая судьба собственно сюнну как конкретного племени связана в раннем средневековье с Центральной Азией.

Ключевые слова: гуины, сюнну, сяньби, Центральная Азия, гуинская проблема.

На протяжении тысячелетий решающую роль в истории Центральной Азии играли скотоводческие племена. Особое место среди них занимают сюнну (хунну или азиатские гуины), с именем которых связана целая эпоха в истории этого региона. Она начинается с быстрого усиления сюнну в конце III в. до н. э. и заканчивается в первые века н. э. постепенным распадом сюннуской «державы». Завоевания сюнну распространили их власть на огромную территорию от Маньчжурии до бассейна Енисея и привели к крушению сложившихся здесь в скифское время крупных и разнообразных по культурному облику племенных объединений. Их население частично было вытеснено из районов своего исконного обитания, частично продолжало свое развитие уже в рамках сюннуской «империи». Интенсивные перемещения больших масс населения и активное взаимодействие различных культурных традиций привели в эпоху сюнну к существенной трансформации антропологического и культурного облика населения азиатских степей. Именно в этот период складывается основа для формирования племенных объединений эпохи средневековья, во многом определивших этническую ситуацию на востоке степного пояса и в Новое время. Часть современных исследователей считает, что установление сюннуского господства и изменение этнокультурной ситуации в Центральной Азии дало толчок «великому переселению народов» — длительному процессу миграций различных племен в степном поясе Евразии, в результате которого потомки сюнну под именем гуинов могли появиться в Европе. Вполне очевидно, что разработка важнейших проблем истории и культуры населения евразийского степного пояса во многом связана с изучением сюннуского племенного объединения.

Первые археологические памятники, отождествляемые сейчас с сюнну, были открыты в конце XIX в. в России на юге Западного Забайкалья. Это сделал Юлиан Доминикович Талько-Гринцевич, известный антрополог, врач и страстный краевед, живший в то время в г. Кяхта на границе с Монголией. За несколько лет в свободное от медицинской практики время Ю. Д. Талько-Гринцевич раскопал в окрестностях Кяхты более сотни древних захоронений. Классифицируя полученный материал и стремясь найти ему место во времени и историческом пространстве, этот исследователь предположил, что одна из групп раскопанных им погребений может быть отождествлена с сюнну. По этому поводу он писал: «Погребенные в срубках не суть ли те из кочевых племен хун-ху, овладевших Центральной Азией за два века до Р. Х.» (Талько-Гринцевич, 1999).

Додадка Ю. Д. Талько-Гринцевича получила дополнительные аргументы после 1925 г., когда сотрудникам Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова

* Исследование проведено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2018-0010 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земельными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

**Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: ssmn@yandex.ru

удалось проникнуть в княжеские курганы на севере Монголии в горах Ноин-Ула и извлечь оттуда часть погребального инвентаря, в том числе уникальные золотые и серебряные украшения, ковры, шелковую одежду и ряд других предметов роскоши (*Краткие отчеты*, 1925). Анализируя полученный материал, участник этой экспедиции С. А. Теплоухов отметил связь обнаруженных захоронений с курганами в Ильмовой пади и Дырестуе, раскопанными ранее Ю. Д. Талько-Гринцевичем, и поддержал их сюннускую атрибуцию. Он писал по этому поводу: «Следующие предметы позволяют нам уже сейчас иметь некоторое суждение о датировке этой культуры: монеты династии Хань, найденные Талько-Гринцевичем в Забайкалье с предметами, аналогичными из Ноин-Улинских погребений, куски зеркала, по-видимому, династии Хань, найденные Талько-Гринцевичем и в Ноин-Улинских погребениях, лакированные чашки, имеющие несомненное сходство с керамикой, относимой Лауфером к династии Хань. Территориальное распространение этой культуры, относительная ее хронология в Сибири, несомненные оживленные сношения с Китаем и Средней Азией или более далеким Западом (ткани с греческими мотивами) указывают нам на то, что культура принадлежала могущественному народу. Таким народом могли быть гунны, начало могущества которых совпадает с эпохой старшей династии Хань» (*Теплоухов*, 1925. С. 21–22).

Начиная с раскопок Ноин-Улы в деятельности археологических учреждений Ленинграда — Санкт-Петербурга изучение сюннуских памятников становится одним из основных направлений. ГАИМК, в то время ведущий археологический центр страны, образовал специальную Бурят-Монгольскую экспедицию Академии наук, которую возглавил Г. П. Сосновский. Экспедиция значительно расширила круг археологических памятников сюнну, раскопав в Забайкалье несколько десятков захоронений и организовав первые разведочные раскопки на Иволгинском городище — широко известном ныне памятнике сюнну (*Сосновский*, 1934; 1935; 1946).

Итог изучения сюнну в довоенный период подвел «Очерк истории гуннов», подготовленный А. Н. Бернштамом в 30-х гг. XX в. и увидевший свет в 1951 г. (*Бернштам*, 1951). Историю азиатских гуннов-сюнну посвящена первая часть очерка, где накопленный к тому времени археологический материал рассматривался в увязке со сведениями письменных источников. Такой подход позволил А. Н. Бернштаму обосновать датировку важнейших памятников, дать характеристику социальным отношениям в обществе сюнну и определить место этого общества в процессе историко-культурного развития населения степного пояса. В его очерке предложено и решение так называемой «гуннской проблемы», центром которой является вопрос об этнокультурном родстве азиатских и европейских гуннов. Последний автор рассматривал как конгломерат автохтонных скотоводческих племен Восточной Европы, объединившихся вокруг потомков сюнну, проникших сюда с востока через Среднюю Азию. Заключение А. Н. Бернштама в силу присущей автору эрудиции и широкого охвата материала на много лет вперед определили направления в разработке «гуннской проблемы».

Со второй половины XX в. начинается новый период изучения сюнну. Для него характерны интенсивные исследования древних культур на востоке степного пояса, что позволило многократно увеличить фонд археологических данных. Эти исследования значительно расширили географию сюннуских памятников и выявили новые регионы, испытавшие влияние сюннуских культурных традиций. В научный оборот был введен важнейший, качественно новый вид источников — городища и поселения сюнну. Экспедиция ЛГУ под руководством А. В. Давыдовой провела ширококомасштабные работы на Иволгинском комплексе, полностью раскопав Иволгинский могильник и значительную часть Иволгинского городища (*Давыдова*, 1995; 1996). Кроме того, экспедицией ЛГУ была изучена значительная часть обширного поселения у села Дурны (*Давыдова*, *Миняев*, 2003). Исследования памятников на юге Бурятии были продолжены П. Б. Коноваловым, раскопавшим несколько десятков погребений в Ильмовой и Черемуновом падах и на Дырестуйском могильнике (*Коновалов*, 1976).

Особой интенсивный рост исследований памятников сюнну наблюдается в последние десятилетия. Работами российских исследователей в Сибири и экспедиций в Монголии фонд данных по археологии сюнну был многократно увеличен. Были продолжены раскопки в Ноин-Уле (*Полосмак*, *Богданов*, 2016), исследованы самые крупные погребальные комплексы элиты в Монголии — Гол-Мод-2 (*Erdenebaatar*, 2015) и Забайкалье — Царам (*Миняев*, *Сахаровская*, 2007), полностью раскопан Дырестуйский могильник (*Миняев*, 2007), значительная серия рядовых погребений изучена как в России, так и в Монголии (*Xiongnu tombs... 2008*; *Waugh* 2010). К настоящему времени этот фонд насчитывает более тысячи погребений и около десятка поселенческих комплексов.

Исследования последних десятилетий, значительно расширив источниковую базу, еще раз подчеркнули роль сюннуской эпохи как переломной в истории Центральной Азии. Однако новые материалы, пополнив фонд источников, в то же время обозначили и существенные трудности в разработке основных проблем истории сюннуского племенного объединения.

В ряду таких проблем ранний этап истории сюнну является наиболее дискуссионным. На начальном этапе исследований сведения письменных источников позволяли рассматривать в качестве приоритетной гипотезу, которую условно можно назвать «ордосской». Она подразумевала, что в позднескифский период (эпоха Чжаньго) сюнну обитали на плато Ордос в северной излучине Хуанхэ; при императоре Цинь Шихуане они были вытеснены на север и вернулись в Ордос после падения Цинь. Согласно этой гипотезе, именно из Ордоса при шаньюе Маодуне (Модуне), убившем отца и захватившем власть, сюнну начали свою экспансию в азиатские степи (*Таскин*, 1968. С. 127, примеч. 74, 76).

Подобная трактовка сведений «Записей историка» Сыма Цяня послужила основанием для сюннуской атрибуции позднескифских археологических памятников Ордоса и прилегающих к нему районов левобережья Хуанхэ. В инвентаре этих памятников часто встречаются бронзовые кинжалы и другие изделия, своими типологическими особенностями связанные с культурными традициями эпохи бронзы. Это обстоятельство вместе с письменными источниками явилось поводом, чтобы рассматривать культуру населения Ордоса эпохи бронзы и скифского времени как ранние этапы развития культуры сюнну (*Тянь Гуаньцзинь*, 1983; *Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь*, 1986).

Однако новые данные вошли в противоречие с такой гипотезой. Детальный анализ дошедших до нас как подлинных исторических текстов (надписи на бронзовых сосудах, различные документы на бамбуковых или деревянных планках), так и копий древних письменных памятников показал отсутствие достоверных сведений о сюнну вплоть до начала эпохи Хань, т. е. до конца III в. до н. э. (*Миньев*, 2015). Именно с этого времени начинаются сюннуские завоевания в Центральной Азии и появляются первые реальные упоминания о сюнну в древних хрониках. Но исходным районом сюннуских кочевий не мог быть Ордос, который они, согласно письменным источникам, занимают лишь на рубеже III и II вв. до н. э. В этом регионе, как и в соседних с ним, до настоящего времени нет памятников, которые можно было бы отождествить с сюнну. Такие памятники располагаются в ином ареале, охватывающем Зайкалье, Северную и отчасти Южную Монголию, но их хронология не соответствует названным выше датам начального этапа сюннуских завоеваний. Датировочный материал (надписи с указанием года изготовления, монеты, зеркала) показывает, что наиболее ранней датой зайкальских и монгольских памятников, отождествляемых с сюнну, является рубеж II и I вв. до н. э., а большая часть их относится к периоду I в. до н. э. — I в. н. э. При этом данные антропологии (*Алексеев, Гохман*, 1984) и немногочисленные пока сведения палеогенетики (*Keyser-Tracqui et al.*, 2003) показывают, что сюннуские памятники Зайкалье и Монголии отражают появление здесь смешанного по составу пришлого населения.

Это обстоятельство, как и противоречие между письменными источниками и археологическими материалами, существенно осложняет выделение памятников, характерных для раннего периода истории собственно сюнну. Возможный путь разработки проблемы лежит через анализ погребального обряда и планиграфии памятников, отождествляемых с сюнну.

Исследования последних лет позволили выявить определенную систему в размещении сюннуских захоронений. Анализ расположения погребений на площади могильников показал, что в большинстве случаев они образуют комплексы, включающие центральный курган с каменной кладкой на поверхности и находившиеся вокруг него «спроводительные» захоронения в гробах; в свою очередь, такие комплексы формируют несколько групп, расположенных в десятках метров друг от друга. В сопроводительных захоронениях на скелетах прослеживаются следы насильственной смерти (*Миньев*, 2007). Таким образом, каждый большой курган и расположенные рядом с ним «спроводительные» могилы можно рассматривать как единовременный комплекс, захоронения в котором совершены в пределах одного или нескольких дней, т. е. в пределах единой погребальной церемонии. Такая система размещения погребений устойчиво повторяется в различных могильниках, поэтому ее можно рассматривать как норму погребальной практики сюнну в целом.

Среди человеческих жертвоприношений представлены разные половозрастные категории: младенцы, дети, подростки, молодые и взрослые мужчины и женщины. Можно предположить, что в сопроводительных погребениях были захоронены иноплеменики, не связанные происхождением с самими сюнну. Вполне вероятно поэтому, что погребения основной части сюннуского общества можно отождествить с захоронениями в центральных курганах комплексов, где внутримогильные сооружения представлены гробами, вставленными в каменный ящик. Возможно, что именно в погребениях в гробах, вставленных в каменные ящики (или имитации таких ящиков в виде каменной обкладки гроба) сохранились традиции погребальной практики собственно сюнну. Можно ожидать поэтому, что погребальные конструкции ранних, «протосюннуских» памятников по сумме основных признаков должны быть близки или аналогичны именно таким погребениям. Это заключение, если оно справедливо, позволяет выделить группу погребений, которые предположительно можно отождествить с «ранними» сюнну.

Как отмечалось выше, Ордос и прилегающее к нему левобережье Хуанхэ не может рассматриваться как ареал исходных сюннуских кочевий. В центральноазиатской части степного пояса (Забайкалье и Северная Монголия), где сконцентрированы сюннуские памятники конца II в. до н. э. — I в. н. э., в скифскую эпоху были распространены захоронения культуры плиточных могил. Совокупность признаков, характеризующих эту культуру, не позволяет рассматривать ее как основу для формирования сюннуского культурного комплекса. Бесперспективность поиска истоков этого комплекса к западу от Монголии и Ордоса доказательств не требует: позднескифские памятники Саяно-Алтая и Южной Сибири принципиально отличны от сюннуских. Данные антропологии и археологии показывают, что сюнну для названных регионов являются пришлым населением, принесшим с собой целый ряд новаций в материальной культуре.

Вполне естественно поэтому будет обратиться к анализу скифских комплексов дальневосточного ареала степей. Здесь, на северо-востоке КНР, в восточных аймаках Внутренней Монголии, северных районах Хэбэя, на юго-западе Ляонина выявлен в последние годы ряд памятников, датируемых эпохой Чуньюн-Чжаньго, то есть скифским и позднескифским временем. К ним относятся группа погребений, впущенных в верхней слой стоянки Сяцзядянь (не путать с культурой верхнего слоя Сяцзядянь), в культурном слое стоянки Сяохэйшаньгоу, могильники Дуннаньгоу, Наньшаньгэнь, Чжоуцзяди (см. подробнее: *Миняев, 1991*); ряд захоронений в могильниках Юйхуанмяо, Снойгуан, Хулугоу (*Могильники в горах Цзюньдушань, 2007*). Объединение рассматриваемых памятников в единую культуру «погребений в верхнем слое Сяцзядянь», как предлагают китайские археологи (*Цзинь Фань, 1991*), представляется пока преждевременным. В настоящее время можно говорить, скорее, о существовании на северо-востоке КНР своеобразной этнокультурной общности, объединявшей, видимо, ряд родственных культур скифского облика.

Комплекс признаков, характеризующих памятники именно этой общности, во многом проявляется впоследствии в памятниках сюнну. Скотоство наблюдается в положении погребенных (на спине с прямыми конечностями), в некоторых чертах обрядности (раковины во рту погребенных); в обычаях класть в могилу головы и ноги жертвенных животных. В инвентаре этих погребений, как и в памятниках сюнну, представлены бронзовые пуговицы, зооморфные бляшки, имитации раковин каури, роговые свистунки для стрел. Ряд категорий сюннуского инвентаря (черешковые трехлопастные стрелы, плоские стрелы-срезы из железа) можно рассматривать как результат развития аналогичных бронзовых стрел из рассматриваемых могильников северо-востока КНР.

Внутримогильные сооружения этих некрополей можно разделить на четыре типа: 1) в деревянных гробах; 2) в каменных ящиках из 1–3 слоев плит; 3) в деревянных гробах в каменных ящиках; 4) в грунтовых ямах без внутримогильного сооружения. Можно видеть, что здесь представлены практически те же типы внутримогильных сооружений, что и в памятниках сюнну, однако отсутствует какое-либо разделение на группы и комплексы. Погребения в гробах в каменных ящиках, по устройству аналогичные сюннуским, в скифскую эпоху еще не выделяются на площади памятника, тогда как в период сюннуского могущества такие погребения занимают центральное место в комплексах, а погребения в гробах и грунтовых ямах приобретают статус «сопроводительных».

Рассмотренные выше данные позволяют сформулировать в качестве рабочей следующую гипотезу раннего этапа истории сюнну. В позднескифскую эпоху (период Чжаньго) сюнну были одним из племен этнокультурной общности скотоводческих племен на северо-востоке КНР (восток Шаньси, север Хэбэя, запад Ляонина, юго-восточные аймаки Внутренней Монголии), обитавших в ареале северных земель княжеств Янь и Чжао и известных древнекитайским хронистам под одним из собирательных наименований — «ху», «жуны» и т. д. Археологические «протосюннуские» памятники этого периода можно отождествить с захоронениями в гробах, вставленных в каменный ящик, которые зафиксированы в ряде могильников намеченного ареала. С изучением генезиса погребений этого типа связано, видимо, и изучение истории «протосюннуских племен» в эпоху бронзы. Под своим самозванием сюнну стали известны лишь к концу III в. до н. э., когда неравномерное развитие племен, составлявших эту общность, привело к усилению сюнну. В письменных источниках эти события отразилось в легендарной форме в виде конфликта между духу (восточными ху) и сюнну и подчинением последними сначала остальных ху, а затем и других скотоводческих племен Центральной Азии.

Сюннуские завоевания привели к существенной трансформации антропологического и культурного облика населения азиатских степей. Этот процесс, занявший несколько десятилетий, завершается к концу II в. до н. э. формированием новых форм материальной культуры, не имеющих поэтому прямых аналогий в предшествующих скифских памятниках.

В рамках образовавшейся «империи», население которой было неоднородным по своему происхождению, происходит усложнение социальной структуры общества, обособление племенной знати и выделение привилегированных социальных слоев. Археологически это выразилось в возведении для

племенной верхушки больших курганов со внутримогильными конструкциями, копирующими захоронения ханьской знати и не представленными в погребальной практике сюнну в более ранний период; в появлении обряда человеческих жертвоприношений. Усложняется и планиграфия погребальных памятников, где выделяются отдельные группы и комплексы захоронений. В таких комплексах погребения в гробах в каменных ящиках (в скифскую эпоху отождествляемые с «протосюннскими») занимают теперь наряду с погребениями в срубках центральное место, а погребения в гробах — подчиненную им, сопроводительную позицию.

К концу II в. до н. э. основные элементы сформировавшегося сюннского культурного комплекса получают широкое распространение на огромной территории, контролируемой сюнну. Однако районы их исконного обитания (в ареале северных границ бывших княжеств Чжао и Янь) к тому времени были оставлены сюнну после длительной войны с ханьской империей, что вполне определенно зафиксировали письменные источники: «сюнну бежали далеко и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя» (*Таскин*, 1968. С. 55). Именно поэтому характерные сюннские памятники, широко представленные в Монголии и Забайкалье, не зафиксированы в предполагаемом районе их исходного обитания.

Не менее сложным, чем ранний этап истории сюнну, является вопрос исторической судьбы сюннской «державы», от решения которого зависит корректный подход к европейским аспектам «гуннской проблемы». Согласно сведениям письменных источников, после более чем столетнего доминирования в азиатских степях, влияние сюнну здесь ослабевает. Серия междоусобиц, вызванных борьбой за власть, приводит в середине I в. до н. э. к распаду возглавляемого ими объединения на несколько группировок, основными из которых были так называемые «южные» и «северные» сюнну. «Южные» признали власть Хань и продолжали кочевать на северных границах империи, периодически получая от нее богатые подношения. «Северные» пытались сохранить самостоятельность, но очередная серия междоусобиц привела и к очередному расколу этой части некогда могущественного племенного объединения. Часть «северных» сюнну во главе с шаньюем Чжижжи откочевала в «правые земли» бывшей державы, а затем и далее на «запад», в некую страну Канцзюй. Другие после череды военных поражений были вынуждены в I в. н. э. подчиниться своим соседям, в первую очередь сяньби.

Эти события (распад сюннского объединения, перекочевка Чжижжи на «запад», поражение сюнну от сяньби) рассматриваются иногда как уход части сюнну за пределы Центральной Азии, как очередной, наряду с сюннскими завоеваниями рубежа III и II вв. до н. э., импульс для «великого переселения народов» — длительного процесса миграций скотоводческих племен, в результате которого потомки сюнну под именем гуннов могли появиться в Европе.

Детальный анализ как данных археологии, так и письменных источников позволяет существенно откорректировать эту версию. Прежде всего надо отметить, что она основана на во многом произвольной интерпретации сведений древних хроник. Археологические материалы показывают, что в ареале обитания южных сюнну (Ордос и левобережье северной излучины Хуанхэ) в начале н. э. нет достоверных проявлений сюннского культурного комплекса, как нет их и ранее, в период сюннского могущества. Это обстоятельство позволяет предполагать, что в середине I в. до н. э. произошел не раскол самих сюнну на «северных» и «южных», а отделение от сюнну местных племен (таких как луофани и другие), подчинившихся им в период сюннских завоеваний.

Обострение противоречий в борьбе за власть в среде «северных» сюнну привело к бесконечным междоусобицам, в результате которых они разделились на целый ряд мелких орд. Во главе каждой стоял вождь, по-прежнему именовавший себя шаньюем, но не обладавший реальной военной силой для захвата полной власти. Поражения, которые терпят эти орды в I в. н. э. как в борьбе между собой, так и от соседних племен, а также от ханьской армии, приводят к бегству их вождей, дальнейшая судьба которых, как правило, неизвестна. Сообщая об этих событиях, хронисты используют неопределенные выражения: «шаньюй отошел на 1000 ли», «шаньюй бежал далеко». Типичным примером является ситуация конца I в. н. э., когда северный шаньюй после очередного поражения от своих соседей «бежал с несколькими десятками легковооруженных всадников», а в 91 г. н. э. шаньюй «бежал неизвестно куда» (*Таскин*, 1973. С. 84). Поражение одной из орд от сяньби в 93 г. н. э. привело к тому, что «северный шаньюй бежал, а сяньбийцы, воспользовавшись этим, переселились и заняли его земли. Оставшиеся роды сюнну, которые все еще насчитывали свыше 100 тыс. юрт, стали называть себя сяньбийцами, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев» (*Таскин*, 1984. С. 71.).

Эти сообщения письменных источников находят определенное соответствие в археологических материалах. Так, отмеченный выше процесс распада «северных» сюнну на несколько орд отражают, видимо, небольшие могильники сюнну с элитными курганами типа Царама или Оргойтона (*Миняев, Сахаровская*, 2007; *Николаев, Миняев*, 2017). Раскопки крупных могильников эпохи сяньби (Сичаогу,

Лаохэшен, Ламадунь) показывают наличие признаков сюннуского культурного комплекса как в погребальном обряде, так и в инвентаре, в первую очередь в керамике.

Отдельно стоит рассмотреть эпопею шаньюя Чжичжи, который возглавил «северных сюнну» в середине I в. до н. э. Не сумев наладить отношения с ханским двором и поссорившись с соседними племенами, Чжичжи вместе со своей ордой был вынужден откочевать сначала в «правые земли» бывшей сюннуской державы, а затем и в «страну Кангюй». Здесь, по сведениям «Хоуханьшу», он основал свою ставку на берегу р. Дулай, отождествляемой иногда с р. Талас в Киргизии. Однако в Таласской долине, хорошо изученной археологически, до сих пор не найдено ничего похожего на поселение сюнну или тем более город. Существенно, впрочем, другое — вместе с Чжичжи до Кангюй дошло 3 тыс. человек, из которых при разгроме ставки шаньюя в 36 г. до н. э. было убито 1518 человек, с оружием в руках было захвачено 145 человек и свыше 1000 сдались сами (*Таскин*, 1973. С. 129). Естественно, это обстоятельство перечеркивает попытки связать перекочевки шаньюя Чжичжи с началом перемещения сюнну на запад.

Археологические следы миграции сюнну в европейские степи также отсутствуют. Западнее Саяно-Алтайского нагорья нет памятников сюнну, датируемых временем после I в. н. э. Совокупность данных показывает таким образом, что историческая судьба собственно сюнну, как конкретного племени, связана в раннем средневековье с Центральной Азией. Разумеется, что «гуннская проблема» тем самым не может считаться решенной — рассмотренные материалы только подчеркивают ее сложность. Не исключено, что ранняя история европейских гуннов может быть связана с одним или несколькими племенами, входившими в сюннуское объединение и после его распада мигрировавшими на запад. Ответ на этот вопрос может быть дан лишь в ходе дальнейших археологических исследований в евразийских степях.